

УДК 327

МРНТИ 11.25.15

<https://doi.org/10.48371/ISMO.2026.63.1.022>

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ДИПЛОМАТИЯ РЕСПУБЛИКИ КОРЕЯ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ В КОНТЕКСТЕ СТРАТЕГИИ «МЯГКОЙ СИЛЫ»

***Сакенова А.М.¹, Борантаева Ф.Ж.²**

***^{1,2} Казахский университет международных отношений и мировых языков
имени Абылай хана, Алматы, Казахстан**

Аннотация. Статья посвящена анализу экономических отношений Южной Кореи со странами Центральной Азии через призму «экономической стратегии» и инструментов мягкой силы: официальной помощи развитию (ODA), прямых инвестиций и технологического сотрудничества. Актуальность исследования обусловлена усилением геоэкономической конкуренции в Евразии и возрастанием роли Центральной Азии как ресурсно-логистического узла, где внешние акторы закрепляют позиции преимущественно экономическими методами. Цель работы — выявить, как сочетание помощи, инвестиционных проектов и трансфера технологий формирует устойчивые каналы влияния и поддерживает расширение торгово-инвестиционных связей Республики Корея в регионе. Научная и практическая значимость заключается в разработке прикладной схемы оценки эффективности на региональном материале и в уточнении роли официальной помощи в целях развития как механизма снижения транзакционных барьеров для бизнеса. Методология включает контент-анализ стратегических установок и дискурса вовлечения, а также сравнительный кейс-анализ ключевых направлений взаимодействия (энергетика, инфраструктура, промышленность, научно-технологические проекты) с опорой на статистику торговли/инвестиций и данные по ODA. Результаты показывают, что ODA и технологические проекты создают благоприятную институциональную среду для капитала, тогда как торговля и инвестиции концентрируются в приоритетных странах и секторах, закрепляя прагматичную геоэкономическую модель присутствия. Практическая ценность – рекомендации по повышению взаимной отдачи проектов и снижению рисков асимметрии экономических связей.

Ключевые слова: Южная Корея, Центральная Азия, экономическая дипломатия, ODA, прямые инвестиции, трансфер технологий, мягкая сила

Введение

Выбор темы исследования обусловлен возрастающей ролью экономических факторов во внешней политике государств и трансформацией механизмов международного взаимодействия в условиях многополярной

мировой системы. Центральная Азия в последние десятилетия превратилась в важное пространство пересечения интересов различных внешних акторов, где конкуренция всё чаще принимает форму экономического, инвестиционного и технологического соперничества. В этом контексте политика Южной Кореи представляет особый исследовательский интерес, поскольку данное государство, обладая значительным экономическим потенциалом и развитой дипломатией, не стремится к доминированию в регионе и выстраивает своё присутствие преимущественно через экономическое партнёрство, инвестиции и сотрудничество в сфере технологий. Несмотря на наличие отдельных исследований, посвящённых корейской внешней политике, комплексный анализ экономической стратегии Южной Кореи в Центральной Азии как целостного феномена, основанного на сочетании прагматизма и ограниченной идеологической рамки, остаётся недостаточно разработанным.

Актуальность темы определяется тем, что в научной литературе до настоящего времени преобладает фрагментарный подход к изучению центральноазиатского вектора корейской политики. Ряд авторов рассматривает отдельные аспекты торговых и инвестиционных связей, энергетическое сотрудничество или дипломатические инициативы, однако взаимосвязь этих элементов в рамках единой внешнеэкономической стратегии изучена неполно. В условиях усиления глобальной конкуренции за ресурсы и рынки особое значение приобретает анализ опыта государств, которые достигают устойчивого присутствия в стратегически важных регионах без опоры на военное давление или идеологическую экспансию. Теоретическая значимость темы заключается в возможности углубления представлений о роли средних держав в международной системе, тогда как практическая значимость связана с выявлением механизмов экономического взаимодействия, применимых в других региональных контекстах.

Объектом исследования выступает внешнеэкономическая политика Южной Кореи в Центральной Азии. Предметом исследования являются экономические и институциональные механизмы реализации данной политики, включая инвестиционную деятельность, официальную помощь в целях развития и технологическое сотрудничество. Цель исследования заключается в выявлении концептуальных и практических оснований экономической стратегии Южной Кореи в Центральной Азии и доказательстве тезиса о приоритете экономических инструментов как ключевого средства внешнеполитического влияния в регионе. Для достижения поставленной цели в работе анализируются эволюция корейского присутствия в Центральной Азии, отраслевые приоритеты сотрудничества, а также взаимосвязь экономических инициатив с более широкими внешнеполитическими установками Сеула.

Теоретико-методологическую основу исследования формируют труды зарубежных авторов по теории международных отношений и внешней политике средних держав. Особое значение имеют работы Стивена, в которых раскрывается концепция средних держав и их функциональная роль в условиях глобальной перестройки международной системы [1]. Эти исследования позволяют рассматривать Южную Корею как государство, использующее экономические и дипломатические ресурсы для укрепления своих позиций, избегая прямой конфронтации с ведущими центрами силы. Подходы неореализма, представленные в трудах Овчаровой и Литвинчука, используются для интерпретации борьбы государств за ресурсы и влияние, что позволяет объяснить интерес Кореи к Центральной Азии как источнику стратегически значимых ресурсов и перспективному рынку [2].

Значительный вклад в изучение рассматриваемой проблематики внесли эмпирические исследования Маттео Фумагалли, в которых подробно анализируется развитие корейского присутствия в Центральной Азии с момента распада Советского Союза до начала реализации «Инициативы Новой Азии» [3]. Автор показывает, что внешнеэкономическая активность Кореи в регионе носит постепенный и целенаправленный характер, а ключевым стимулом выступает стремление снизить энергетическую уязвимость и диверсифицировать источники ресурсов. Аналитические материалы Балбины Хванг дополняют данный подход, раскрывая институциональные изменения во внешней политике Кореи и формирование концепции «Глобальной Кореи», в рамках которой Центральная Азия рассматривается как важный элемент расширения экономического и дипломатического присутствия. Работы Хванг подчёркивают, что экономическая дипломатия становится для Сеула основным инструментом укрепления международного статуса без значительного политического давления на партнёров.

Дополнительный исследовательский контекст формируют труды, посвящённые торговой политике и глобальной экономической интеграции Южной Кореи. В частности, исследования Купера рассматривают активное участие Кореи в международных торговых соглашениях как фактор укрепления её позиций на внешних рынках, что непосредственно отражается и на центральноазиатском направлении. Внутренние идеологические основания экономической стратегии Кореи раскрываются в работах Кима, анализирующего эволюцию дискурса развития и модернизации, лежащего в основе корейской модели экономического роста. Материалы деловой прессы и официальной статистики позволяют проследить практическую реализацию данных подходов в форме конкретных инвестиционных проектов и торговых соглашений.

Описание материалов и методов

Ход исследования выстраивается от теоретического осмысления статуса Южной Кореи как средней державы к анализу конкретных форм её экономического присутствия в Центральной Азии. В качестве основного исследовательского вопроса рассматривается проблема того, каким образом сочетание инвестиций, официальной помощи в целях развития и технологического сотрудничества формирует устойчивую модель внешнеэкономического взаимодействия без опоры на военное или идеологическое давление. Выдвигаемая гипотеза заключается в том, что Южная Корея использует экономические механизмы как ключевой инструмент расширения своего влияния, стремясь снизить политические риски и минимизировать «геополитический груз» в регионе. Для проверки данного тезиса применяются методы сравнительного анализа, позволяющие сопоставить стратегии взаимодействия с отдельными центральноазиатскими государствами, а также контент-анализ научных и публицистических источников с целью выявления устойчивых дискурсивных и практических паттернов. В совокупности выбранные методы обеспечивают комплексное рассмотрение исследуемой проблемы и позволяют обосновать выводы о прагматичном и экономически ориентированном характере политики Южной Кореи в Центральной Азии.

Обсуждения

Ключевыми научными источниками по этой теме являются работы Стивена, задающие рамки анализа для средних держав, дающее базовое понимание ролей государств в международной системе. Учитывая объем и взаимосвязь этих трудов, вкладывая их результаты в собственное исследование, можно получить всестороннюю картину: авторы показывают, что Южная Корея выстраивает «азиатскую» часть своей политики через экономическое партнерство и технологическое сотрудничество, а не через милитаризацию или идеологическую экспансию. Это, в свою очередь, определяет основное направление нашего дальнейшего анализа и обосновывает выбор темы исследования.

В своих эмпирических исследованиях некоторые авторы прямо связывают статус Кореи как «средней державы» с её политическими инициативами. Например, Балбина Хванг [4] подчёркивает, что при президенте Ли Мён Баке (2008–2013) провозглашена концепция «Глобальной Кореи», сделавшая страну заметным игроком мировой политики. Она отмечает, что бренд «Korea» получил широкое распространение по всему миру, а события как проведение саммитов G20 и Атомного саммита подтвердили стремление Сеула, заняла роль «моста» между развитыми и развивающимися странами. Хванг пишет, что, «концепция «Глобальной Кореи» стала краеугольным камнем его руководства». При этом уже к

серия «МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ и РЕГИОНОВЕДЕНИЕ» №1 (63) 2026 407

2012 г., по её словам, «Южная Корея приобрела статус средней державы благодаря быстрому экономическому развитию и модернизации», что позволяет ей вносить значимый вклад в глобальное сообщество. В контексте центральноазиатского вектора это означает, что Сеул видит себя способным влиять на регион в первую очередь через экономические и дипломатические ресурсы, опускаясь до минимального «политического груза» в духе великих держав.

Маттео Фумагалли [3, с. 231] подробно анализирует, как после распада СССР Южная Корея постепенно расширяла своё присутствие в ЦА. По его наблюдениям, сначала (1990–2000-е гг.) корейцы вели себя в регионе осторожно, главным образом через образовательные программы и поддержку диаспоры (корейское меньшинство «кория-сарам»). Но начиная с середины 2000-х и, особенно с начала «Инициативы Новой Азии» в 2009 г. внешнеэкономическая политика Сеула активизировалась. Именно тогда президент, Ли Мён Бак провозгласил курс на диверсификацию источников энергии, ЦА стала рассматриваться как «важный элемент глобальной стратегии» Кореи.

Главное его замечание: с точки зрения внешней политики Южной Кореи «низкопрофильный, целенаправленный подход начинает давать результаты». Без «политического багажа» США, России или Китая Корея смогла сконцентрироваться на экономическом сотрудничестве, став одним из основных партнёров крупнейших экономик региона – Казахстана и Узбекистана. Этот вывод иллюстрирует прагматизм корейской стратегии, основанной на экономической дипломатии, торговле, инвестициях и технологическом сотрудничестве, а не на военной или идеологической экспансии.

Конкретные результаты работы этого подхода хорошо видны в торгово-инвестиционных связях. Данные официальной статистики и сообщения прессы показывают быстрый рост экономического присутствия Кореи в ЦА. В частности, по информации посольства Узбекистана, к 2017 г. объём объявленных корейских инвестиций в экономику Узбекистана превысил 7 млрд. долларов США. Узбекистан видит в партнёрстве не только капитал, но и технологии, Ташкент привлекает инвестиции, прежде всего, чтобы внедрять современные практики и оборудование из Кореи. Таким образом, зарубежные экономисты Соорег и др. рассматривают Южную Корею как государство, активно интегрирующийся в глобальную торговлю через множество соглашений (ФТА, и двусторонних договоров), что подкрепляет её позиции в Центральной Азии [5].

Важным фактором мягкой силы Южной Кореи является её внутренний идеологический контекст. Корейская концепция развития («секехва») традиционно включает элементы «модернизации» и «глобализации» [6,

с. 213]. В этом ключе исследователи отмечают, что политический дискурс Кореи использует такие идеи, как «открытость миру» и «расширение возможностей» через развитие высоких технологий и образования. Кроме того, Сеул применяет понятие *официальной помощи в целях развития* (ODA), чтобы закрепить свои экономические интересы и улучшить имидж. Другие авторы Reuters [7], Никкэй [8] описывают примеры, когда корейские бизнесмены и государственные деятели используют экономическую активность (постройки СП на Севере или инвестиции в ЦА) как элемент широкой дипломатии. Эти публикации подчёркивают, что «идеологические основы» внешней политики Кореи отнюдь не религиозны или националистичны, а чаще всего зиждутся на прагматичном стремлении обеспечить стране ресурсы, рынки и международное признание [9].

Наконец, ряд авторов акцентируют внимание на политико-идеологическом окружении. Так, Анхе Парк обсуждает, как изменения в межкорейских отношениях влияют на внешнюю стратегию Сеула: сближение с КНДР заставляет Южную Корею искать новые союзники и рынки за пределами Корейского полуострова [10].

В период холодной войны пространство для манёвра в решении этой проблемы было крайне ограничено, однако ситуация изменилась практически мгновенно в конце 1980-х – начале 1990-х годов, когда Советский Союз открылся для инвестиций и помощи, а затем распался [11].

В октябре 2013 года в Сеуле состоялась конференция «Глобальное сотрудничество в эпоху Евразии», на которой президент Пак Кын Хе (2013–2017) изложила своё экономическое видение развития региона. В частности, её «Евразийская инициатива» предусматривала соединение энергетической и логистической инфраструктуры (таких как железнодорожные сети, нефтегазопроводы и электроэнергетические системы) на пространстве Европы и Азии [12, с.134]. Под лозунгами «один континент, креативный континент и мирный континент» инициатива проектировала формирование единой системы транспортных, энергетических и торговых сетей на обширном евразийском континенте. Как подчеркнула президент Пак, «Необходимо развивать взаимовыгодное евразийское энергетическое сотрудничество, включая соединение энергетической инфраструктуры – электроэнергетических сетей, газо- и нефтепроводов, а также совместную разработку сланцевого газа в Китае и нефтегазовых ресурсов Восточной Сибири.

Инвестиции в возобновляемые источники энергии внутри страны, а также возможное использование собственных незначительных запасов угля и ветроэнергетического потенциала позволяют лишь в ограниченной степени сократить зависимость от импорта [13].

Таким образом, обзор существующей литературы показывает, что концептуальные и идеологические основы политики Южной Кореи в Центральной Азии формируются сочетанием экономических интересов и прагматических стратегий развития.

Для понимания постепенной, но устойчивой внешнеэкономической активности Кореи необходимо учитывать два ключевых процесса [14, с. 322]. Первый, внутренний, связан с стремительным превращением страны из одной из беднейших экономик мира начала 1960-х годов, зависимой от инвестиций США и Японии, в одну из ведущих мировых экономик, уже не получающую помощь, а, напротив, её предоставляющую [15]. Как отметил бывший президент Ли, «Республика Корея стремится вернуть международному сообществу больше, чем когда-либо получила. Республика Корея готова протянуть руку помощи тем, кто в ней нуждается» [16].

Как отмечает Эванс (2012), «будучи страной с ограниченными энергетическими ресурсами и энергоёмкой экономикой, Корея вынуждена импортировать подавляющую часть своих энергетических ресурсов» [17, ст. 15].

Вторым фактором, способствовавшим возрастанию амбиций и инициативности Кореи, стали геополитические изменения. Кан (2014) подчёркивает что, «Геополитическая среда в период холодной войны сдерживала внешнеэкономические связи Кореи. Корейское правительство никогда не проводило внешнеэкономическую политику в отрыве от стратегических, политических и вопросов безопасности, эта традиция остаётся важнейшим элементом для понимания нынешней и будущей внешнеэкономической политики Кореи» [18, с. 203].

Экономические связи в значительной степени были ориентированы на США и Японию. Окончание холодной войны стало в этом отношении катализатором перемен. В ответ на изменяющуюся экономическую географию корейское правительство предприняло усилия по укреплению экономических связей с Китаем, странами АСЕАН и новыми регионами, прежде всего с Южной и Центральной Азией, с целью обеспечения доступа к энергетическим ресурсам и расширения собственных производственных и инвестиционных сетей. Этот процесс диверсификации был временно замедлен азиатским финансовым кризисом конца 1990-х годов, однако в 2000-е годы, по мере восстановления корейской экономики, вновь набрал обороты.

Корея начала уделять внимание Центральной Азии ещё в 1990-е годы, однако во второй половине десятилетия взаимодействие существенно ослабло из-за азиатского финансового кризиса. Формирование целостного подхода к региону стало возможным лишь в период президентства Ро Му Хёна [18].

Вместе с тем данные шаги не означают и не предполагают существенного ослабления сотрудничества с Соединёнными Штатами, особенно в сфере безопасности. Одновременно это способствовало формированию у Кореи восприятия себя как всё более значимого глобального экономического игрока.

В этом контексте взаимодействие с Азией за пределами Восточной Азии приобретает принципиальное значение для понимания новой роли страны, её возросших амбиций и внешней проекции внутреннего экономического потенциала. На практике это выразилось в «укреплении многотрековой внешнеэкономической стратегии» [18, с. 206].

После его визитов в Казахстан и Узбекистан в 2004 и 2005 годах в декабре 2005 года корейское правительство организовало Центральноазиатскую конференцию с участием представителей государственных и частных структур. Её результатом стала «Комплексная центральноазиатская инициатива», утверждённая кабинетом министров в 2006 году, целью, которой являлось «создание опорной площадки в Центральной Азии для продвижения на евразийский континент и обеспечение долгосрочных поставок энергетических ресурсов».

С этой точки зрения Центральная Азия имеет для Кореи существенное значение. Регион богат природными ресурсами: по оценкам, здесь сосредоточено около 3 % мировых запасов нефти и 6 % запасов газа, тогда как Узбекистан располагает примерно 2 % мировых запасов урана [19].

В следующих разделах прослеживается развитие и институциональное укрепление связей между Кореей и центральноазиатскими республиками, после чего участие Кореи в регионе рассматривается в более широком сравнительном восточноазиатском контексте. Далее даётся оценка возможностей и вызовов, возникающих в рамках данного взаимодействия.

Дипломатические отношения были установлены достаточно быстро – уже в 1992 году; однако в последующее десятилетие Корея сохраняла относительно низкий уровень активности, уделяя приоритетное внимание Узбекистану, тогда как отношения с четырьмя другими республиками оставались на периферийном уровне [20, с. 23].

Для достижения этих целей план предусматривал «максимальное использование двусторонних отношений, укреплённых посредством дипломатии на высшем уровне; дифференцированный подход к отдельным государствам с учётом их национальных особенностей; усиление синергетического эффекта через более тесное взаимодействие взаимосвязанных отраслей и развитие сфер с относительными преимуществами; укрепление правовой и институциональной базы для расширения инфраструктуры сотрудничества и распространение корейского опыта экономического развития с целью формирования стратегических

партнёрств в интересах национального развития стран Центральной Азии» [19].

Для достижения этих целей стратегия предполагала развитие проекта «Экспресс Шёлкового пути», который должен был соединить железнодорожные и автомобильные сети от Пусана до Европы, а также открыть новые морские маршруты через Северный Ледовитый океан. Во-первых, она предусматривала интеграцию евразийского экономического пространства, что открывало новые рынки для корейских компаний и одновременно обеспечивало приток инвестиций в логистику и инфраструктуру экономик Центральной Азии. Во-вторых, в сфере безопасности она была направлена на преодоление тупика на Корейском полуострове путём акцентирования потенциального вклада Северной Кореи (прямым бенефициаром которого стала бы Южная Корея) в многосторонние проекты. В-третьих, в геополитическом плане западная ось, простирающаяся к России, Центральной Азии и Европе, должна была дополнить традиционно асимметричную геополитическую среду, в которой функционирует Корея, ориентированную преимущественно на Китай и Соединённые Штаты [21, с. 43].

В целом стратегии Ро Му Хёна, Ли Мён Бака и Пак Кын Хе отличались высокой степенью амбициозности, но одновременно опирались на реалистичное понимание экономических потребностей и уязвимостей Кореи. В следующем разделе на основе этой оценки рассматривается экономическое измерение корейского проникновения в регион, которое сочетает материальную составляющую (например, помощь, инвестиции и торговлю) с более символической — такой как дипломатия на высшем уровне (саммиты).

Центральноазиатские республики унаследовали дипломатические связи с Северной Кореей, однако её влияние было быстро вытеснено большей привлекательностью Южной Кореи как экономической модели и потенциального инвестора. Дипломатические отношения с Республикой Корея были установлены уже в 1992 году. В последующие годы Сеул реализовывал тщательно выверенную стратегию, избегая «объединения центральноазиатских государств в неразличимую совокупность “станов”». Напротив, на первоначальном этапе особое значение придавалось отношениям с Узбекистаном, а в последующие годы — с Казахстаном. Постепенно стратегия Сеула стала охватывать все пять государств региона в рамках многоуровневого подхода.

Результаты

Корейские политики использовали официальную помощь развитию (Официальная помощь развитию, ODA) для формирования политического

доверия и создания благоприятных условий для последующих инвестиций. Международная помощь, как утверждают Хео и Рёринг [20], сыграла важную роль в экономическом росте Кореи. По мере ускорения экономического развития страна стала осознавать большую ответственность и проявлять готовность играть более значимую роль в поддержании международного мира и стабильности. После нескольких десятилетий, в течение которых Корея была страной-получателем помощи, в 1987 году начался обратный процесс. В 2009 году страна была принята в Комитет содействия развитию Организации экономического сотрудничества и развития (OECD-DAC), объединяющий государства-доноры.

Корейская ODA предоставляется преимущественно в форме двусторонней межправительственной помощи, при этом меньшая часть (около 25 %) направляется через многосторонние организации (например, ООН и Международную ассоциацию развития Всемирного банка). Технически помощь осуществляется через два основных механизма: прежде всего Корейское агентство международного сотрудничества и Фонд экономического развития и сотрудничества.

Объёмы помощи, направляемой в Восточную Европу и Центральную Азию, существенно возросли, увеличившись с 1 % всей корейской помощи до 5,7 % в 2011 году. Как показано на рис. 1 ниже, Казахстан и Узбекистан традиционно получали значительные объёмы ODA от Кореи; оба государства входили в число основных получателей в 2011 году, тогда как по состоянию на 2014 год крупнейшими реципиентами стали Азербайджан и Узбекистан — 2 млн. и 6 млн. долларов США соответственно (оба также входили в список 26 приоритетных стран). Корейская помощь Узбекистану продолжала расти, тогда, как объёмы помощи Казахстану сокращались по мере роста его экономики и превращения Астаны в более значимого коммерческого партнёра Кореи. Основными секторами, получающими большую часть корейской помощи, являются энергетика и промышленность (42,9 % в 2011 году), на втором месте находится образование – 23,6 % [17, с. 73].

Южная Корея активно использует официальную помощь развитию (ОПР) для укрепления связей с странами Центральной Азии, создавая благоприятные условия для своего бизнеса и продвигая образ надёжного партнёра. Объёмы корейской ОПР в регионе в последние годы росли, хотя её доля в общей структуре помощи остаётся умеренной. Так, в 2019–2023 гг. на Центральную Азию приходилось около 3,3% всей двусторонней помощи Республики Корея, что в абсолютном выражении составляет примерно 340 млн. долл. США. Такая величина свидетельствует о стремлении Сеула усилить присутствие в регионе через инструменты развития, хотя общий объём помощи пока относительно невелик по сравнению с вложениями в другие регионы.

Распределение ОДА Республики Корея в Центральной Азии (2019-2023)

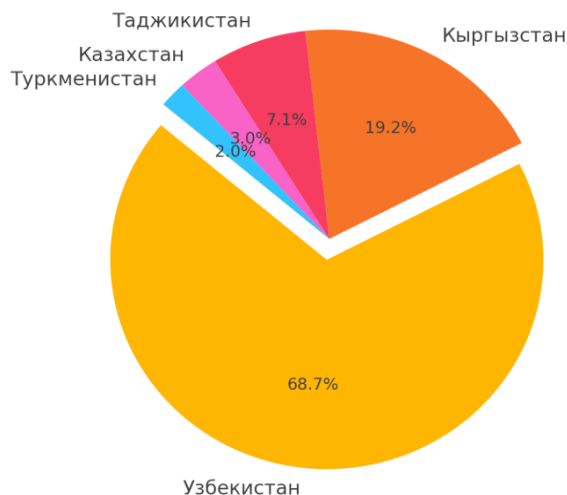

Рисунок 1. Распределение ОПР Республики Корея по странам Центральной Азии в 2019–2023 гг.

Источник: расчёты по данным Министерства иностранных дел РК [23]

Распределение корейской помощи внутри региона весьма неравномерно. Как видно из рис. 1, основной получатель – Узбекистан (68% от общего объёма ОПР в регионе, ~230 млн долл.), тогда как на Киргизию приходится 19% (~65 млн), на Таджикистан 7% (~24 млн), а Казахстан и Туркменистан получают совсем небольшие доли (3% и 2% соответственно). Такая концентрация обусловлена приоритетностью Узбекистана для Сеула: эта страна обладает наибольшим населением и рынком в ЦА, значительными ресурсами и потребностями в модернизации, что делает её главным фокусом корейской стратегии развития. Правительство РК официально признало Узбекистан «стратегическим партнёром по общему росту» и усиливает там проекты развития, тогда как помощь другим республикам носит точечный характер. Тем не менее, на втором месте по объёму помощи стоит Киргизия – меньше по экономике, но важная с точки зрения региональной стабильности и сотрудничества. Для сравнения, в таких странах как Туркменистан корейская ОПР носит символический характер (несколько миллионов долларов за период), что отражает и более высокий доход на душу населения в Туркменистане, и его ограниченную вовлечённость в программы доноров.

По своему назначению корейская помощь концентрируется на тех сферах, которые создают институциональную и кадровую базу для бизнеса и сотрудничества. В частности, приоритетными направлениями ОПР являются

развитие инфраструктуры, промышленности, а также здравоохранения, образования и электронного управления. Сеул целенаправленно делится своим опытом «экономического чуда» и промышленной модернизации, чтобы помочь странам ЦА улучшить деловой климат и управленческие практики. Например, в Узбекистане и других республиках реализуются проекты при содействии КОИСА и Эксимбанка Кореи по модернизации ИТ-инфраструктуры, созданию технопарков и развитию электронного правительства, а также по улучшению системы здравоохранения и профессиональные подготовки кадров. Такая помощь снижает транзакционные издержки для инвесторов – улучшая прозрачность, эффективность государственного управления и качество инфраструктуры, она фактически устраняет барьеры для корейского бизнеса. Примечательно, что суммарный портфель проектов КОИСА и Фонда сотрудничества Эксимбанка в одной только Республике Узбекистан превышает 3 млрд. долл., включая льготные кредиты на развитие энергетики, промышленности и социальной сферы. Это демонстрирует, как экономическая стратегия взаимно дополняет «мягкую силу»: помощь укрепляет доверие и институциональные связи, закладывая фундамент для дальнейшей экспансии частного капитала.

Отдельного внимания заслуживает программа обмена знаниями KSP – флагманский инструмент научно-технологического сотрудничества. Южная Корея позиционирует себя как партнер, готовый делиться экспертизой, а не просто как финансовый донор. С 2010-х годов в рамках KSP были реализованы десятки проектов консультативной помощи для правительств Узбекистана, Казахстана, Киргизии, Таджикистана и др., охватывающие темы от развития финтех-сектора до создания «умных» городов. Эти программы повышают квалификацию чиновников и специалистов, знакомят их с корейским опытом реформ, что в долгосрочной перспективе формирует про-корейски настроенный круг экспертов в регионе. Подобные инициативы, наряду с традиционной культурной дипломатией (волна корейской поп-культуры, образовательные обмены и т. д.), существенно усиливают присутствие Кореи как мягкой силы, не вызывая настороженности у местных элит. В целом, ОПР, и связанное с ней технологическое сотрудничество обеспечивают для Сеула устойчивые негосударственные каналы влияния, опирающиеся на принципы партнёрства и взаимной выгоды вместо прямого геополитического давления.

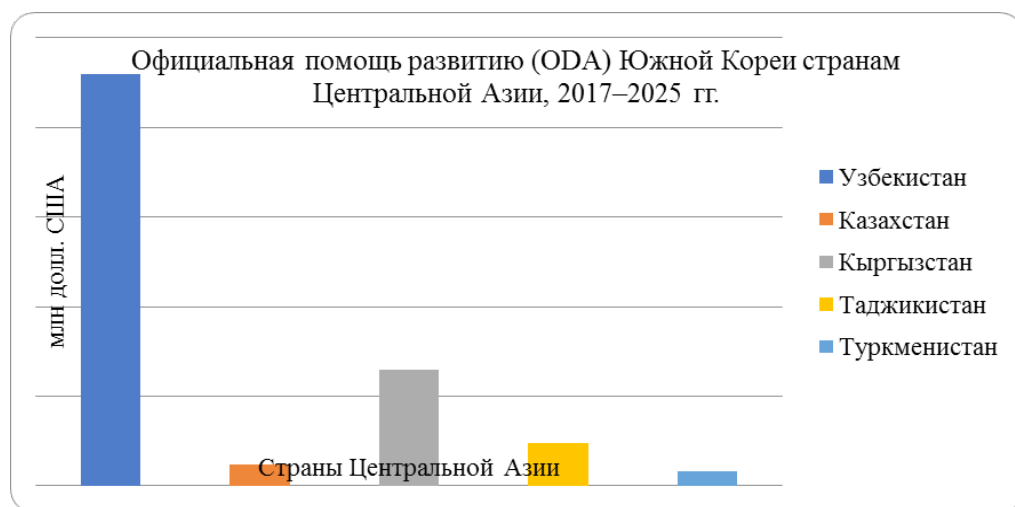

Рисунок 2. Официальная помощь развитию (ODA) Южной Кореи странам Центральной Азии, 2017–2025 гг.»

Источник: расчёты по данным Министерства иностранных дел РК [23]

Прямые инвестиции и торговля: концентрация на приоритетных странах и отраслях

Торгово-инвестиционное сотрудничество Республики Корея с Центральной Азией в 2017–2025 гг. демонстрирует динамичный рост, причем основная активность концентрируется в нескольких ключевых странах и секторах. Товарооборот между Кореей и ЦА в целом значительно увеличился, особенно на направлениях с Узбекистаном и Казахстаном. Так, двусторонняя торговля РК–Узбекистан за период 2017–2023 гг. выросла вдвое – с \$1,3 млрд до \$2,3 млрд. Ежегодный прирост ускорился после 2017 года, и только за последний год из этой выборки (2022–2023 гг.) увеличение составило 24%. Аналогичный тренд наблюдается и в торговле с Казахстаном: по данным на 2024 год, оборот РК–Казахстан достиг \$3,65 млрд, сделав Казахстан крупнейшим торговым партнером Сеула в Центральноазиатском регионе. Более того, экспорт корейских товаров в Казахстан показывал впечатляющий среднегодовой рост ~50% в течение последних трёх лет – это указывает на резко возросший спрос на корейскую продукцию (от электроники до автомобилей) и сырьё, доставляемое через Казахстан.

Даже меньшие экономики региона стали значительно активизировать обмен с Сеулом. К примеру, товарооборот с Киргизией, еще недавно измерявшийся десятками миллионов, в 2025 году совершил рывок до \$1,1 млрд всего за пять месяцев (январь–май 2025) за счёт резкого роста импорта корейских машин и оборудования. Это свидетельствует о

расширении охвата корейского бизнеса – хотя основные усилия по-прежнему сосредоточены на Узбекистане и Казахстане, Сеул постепенно наращивает экономическое взаимодействие и с другими республиками ЦА. В то же время Таджикистан и Туркменистан остаются относительно небольшими партнёрами: их торговый обмен с Кореей измеряется сотнями миллионов или менее того, преимущественно представляя поставки ограниченной номенклатуры (например, туркменского сырья и корейских промышленных товаров).

Что касается прямых инвестиций, здесь картина аналогична – преобладают два региональных лидера. Южная Корея давно входит в число крупнейших зарубежных инвесторов Узбекистана и Казахстана. По оценкам, накопленные инвестиции корейского бизнеса в экономику Узбекистана на 2023 год превышают \$7 млрд, а в Казахстан – более \$6 млрд. Сеул прочно занимает 2-е место среди иностранных инвесторов Узбекистана и входит в топ-10 инвесторов Казахстана, что свидетельствует о его долгосрочных экономических интересах в этих странах. В Узбекистане за последние пять лет число предприятий с участием корейского капитала увеличилось вдвое – до 983 компаний к 2023 году, причём 605 из них – это полностью корейские филиалы. Данный рост совпал с реформами узбекского правительства по улучшению инвестклимата и приватизации, чем успешно воспользовались корейские фирмы. Для сравнения, в Казахстане сосредоточено около 461 предприятие с корейским участием (данные по г. Алматы), и реализуются новые инвестиционные проекты на десятки миллионов долларов в сфере промышленности и услуг. В остальных республиках масштаб инвестиций скромнее: например, в Киргизии и Таджикистане присутствуют лишь отдельные корейские проекты (чаще через многосторонние фонды или совместные предприятия малого и среднего бизнеса). В Туркменистане прямые инвестиции ограничены ввиду специфики его закрытой экономики, однако корейские компании работают там по контрактам в энергетической сфере (что приносит косвенные вложения, см. ниже).

Отраслевая структура корейских вложений и проектов в ЦА отражает прагматичную геоэкономическую стратегию – фокус на тех секторах, где интересы сторон совпадают и приносят взаимную выгоду. К таким приоритетам относятся: энергетика и добыча ресурсов, тяжёлая промышленность и инфраструктура, а также наукоёмкие производства. Южнокорейский бизнес активно участвовал в ряде крупных проектов, изменивших промышленный ландшафт региона. Например, консорциум компаний Hyundai Engineering и LG International построил в Туркменистане газохимический комплекс «Киянлы» стоимостью \$3,4 млрд. (запущен в 2018 году) – это один из крупнейших заводов полиэтилена в Центральной Азии. В Узбекистане при участии корейского капитала модернизирован

Бухарский нефтеперерабатывающий завод и реализован проект Устюртского газохимического комплекса (СП «Uz-Kor»), позволяющий глубже перерабатывать природный газ. В Казахстане корейские инвесторы участвовали в создании завода ферросплавов и других объектов металлургии, а также активно закупают казахстанские ресурсы – например, до 30% импорта урана РК приходится на казахстанские рудники (обеспечивая топливо для корейских АЭС). Инвестиции направляются и в инфраструктуру: Korean Air модернизировала карго-хаб в аэропорту Наваои (Узбекистан), создавая региональный логистический узел, а корейские банки кредитуют проекты дорог и электроэнергетики.

Важно подчеркнуть, что торгово-инвестиционная экспансия Южной Кореи концентрируется именно там, где создана благоприятная среда и минимизированы риски – нередко благодаря предварительным усилиям через ОПР. Узбекистан и Казахстан предоставляют наибольшие возможности для масштабных проектов (благодаря размеру экономик и ресурсной базе), поэтому именно в них закрепляется корейское присутствие через инвестпроекты и рост торговли. Такая геоэкономическая модель присутствия носит прагматичный характер: Корея следует экономическим интересам (сырье, рынки сбыта, выгодные контракты), одновременно укрепляя долгосрочное влияние за счёт формирования зависимостей в ключевых отраслях. В приоритетных секторах – энергетика, инфраструктура, промышленность – корейские фирмы становятся незаменимыми партнёрами, обеспечивая технологии, капитал и доступ на мировой рынок.

Дополняющим измерением стратегии Сеула в Центральной Азии является технологическое сотрудничество – передача знаний, развитие человеческого капитала и совместные научно-технические проекты. Это направление служит связующим звеном между помощью и бизнесом: повышая технологический уровень партнеров, Корея одновременно создает новые ниши для своего участия. Уже упомянутая программа KSP является ярким примером научно-технической дипломатии: с её помощью Корея консультирует правительства ЦА по вопросам цифровизации финансов, внедрения инноваций в госуправлении, развития промышленной политики и т. п. В свою очередь, такие проекты облегчают реализацию последующих инвестиционных инициатив, поскольку повышают компетенции местных специалистов и сводят различия в технологических стандартах.

Практические результаты технологического взаимодействия заметны в нескольких областях. В Узбекистане при поддержке KOICA создан и расширяется IT Park Uzbekistan – технопарк информационных технологий, в рамках четырёхлетнего проекта по развитию ИКТ-экосистемы. Реализуются программы по цифровой трансформации госуслуг (например, проекты «Smart City» и «Smart Water» совместно с корейскими фирмами) и

по укреплению кибербезопасности. В сфере образования функционируют корейско-центральноазиатские центры обучений: так, в Ташкенте и Нурсултане открыты Университеты Инха и других корейских вузов-партнёров, которые готовят ИТ-специалистов и инженеров по корейским учебным программам. Через эти институты и стипендии правительство РК ежегодно обучает сотни студентов из ЦА в корейских университетах, формируя сеть выпускников, знакомых с корейскими технологиями и культурой. Аналогично, в агропромышленном секторе и медицине работают совместные научно-исследовательские проекты: например, созданы демонстрационные фермы с применением корейских агротехнологий в Узбекистане и Казахстане, открыты центры телемедицины при поддержке корейского опыта. Такие инициативы расширяют «мягкое» влияние Сеула, укрепляя позитивный имидж высокотехнологичной и надёжной страны-партнёра.

Важным компонентом мягкой силы остаётся и гуманитарное взаимодействие, сопряженное с технологическим прогрессом. Республика Корея исторически имеет в Центральной Азии общину корё-сарам (этнических корейцев, свыше 300 тыс. человек), которая стала своеобразным культурным мостом. Сеул активно вовлекает диаспору в экономические и образовательные проекты – например, через культурные центры, языковые программы, поддержку малого бизнеса корейцев в ЦА. Одновременно корейская массовая культура (поп-музыка, сериалы) завоевала популярность среди молодежи региона, *«не воспринимается как угроза местным традициям»*, в отличие от культурных влияний некоторых других держав. Всё это создает благоприятный фон для технологического и делового сотрудничества: доверие между народами упрощает реализацию сложных проектов, снижает социальные риски. Таким образом, трансфер технологий выступает связующим звеном экономической стратегии и мягкой силы, позволяя закрепить результаты инвестиционных и инфраструктурных инициатив через долгосрочное человеческое взаимодействие.

Анализ показывает, что сочетание помощи, инвестпроектов и технологического обмена формирует устойчивые каналы влияния Южной Кореи в Центральной Азии. ОПР и научно-образовательные программы создают институциональную среду, благоприятную для притока капитала, тогда как торговля и инвестиции материализуют экономические выгоды и укореняют присутствие Кореи в приоритетных странах и отраслях. Такая стратегия уже принесла результаты: Сеул занял прочные позиции второго-третьего крупнейшего экономического партнёра для Узбекистана и Казахстана, а его геоэкономическая модель присутствия воспринимается локальными элитами не как экспансия, а как взаимовыгодное сотрудничество. Вместе с тем выявлена и определённая асимметрия связей: основная масса

проектов и ресурсов концентрируется лишь в некоторых странах (68% помощи ушло одному Узбекистану, аналогично с инвестициями). Это чревато дисбалансами – различия в уровнях вовлечённости стран ЦА могут создавать «клуб избранных», тогда как периферийные государства могут оставаться вне поля активного сотрудничества. Кроме того, ориентация на добывающие отрасли и сырьевые проекты несёт риск, что выгоды будут распределяться неравномерно (Корея – ресурсы и рынки, партнёрам – ограниченная добавленная стоимость).

Для повышения взаимной отдачи и снижения рисков асимметрии целесообразно следующее:

- Диверсификация сотрудничества по странам: Сеулу стоит наращивать проекты ОПР и бизнес-инициативы в Кыргызстане, Таджикистане и (при возможности) Туркменистане. Более сбалансированное распределение ресурсов по региону усилит кумулятивный эффект развития и укрепит имидж Кореи как партнёра всего региона, а не только его лидеров.

- Расширение отраслевого охвата: Помимо энергетики и тяжёлой промышленности, рекомендуется уделить больше внимания проектам в сферах АГРО, возобновляемой энергетики, малого и среднего бизнеса, которые прямо улучшают жизнь населения. Это поможет избежать узкой специализации связей и снизить зависимость от конъюнктуры на сырьевых рынках.

- Углубление трансфера технологий и локализации: Необходимо и дальше фокусироваться на повышении квалификации местных кадров и локализации производств. Например, создавать больше совместных предприятий, технологических парков и учебных центров, где корейские специалисты работают вместе с местными. Это обеспечит более равномерное распределение выгод и предотвратит развитие отношений по модели «донор-клиент».

- Использование ОПР для снижения барьеров, в соответствии с заявленной стратегией, направлять официальную помощь на проекты, облегчающие региональную интеграцию и торговлю (упрощение таможенных процедур, улучшение транспортной логистики), а также на укрепление правовых рамок для инвестиций. Тем самым ОПР будет напрямую снижать транзакционные издержки для бизнеса и стимулировать приток частных инвестиций – т.е. выполнять роль катализатора.

- Мониторинг взаимной выгоды и рисков: Создать механизмы регулярной оценки эффективности проектов – насколько они соответствуют нуждам стран-партнёров и приносят ли выгоды обеим сторонам. В случаях выявления дисбалансов (например, чрезмерного уровня задолженности по кредитам или экологических рисков от проектов) Корея следует корректировать подход – возможно, предоставляя гранты вместо займов

наиболее уязвимым странам или усиливая контроль за экологическими стандартами.

Следование указанным рекомендациям позволит сделать экономическое присутствие Республики Корея в Центральной Азии более устойчивым и взаимовыгодным. В заключение отметим, что корейская модель, совмещающая экономическую прагматику и инструменты мягкой силы, уже зарекомендовала себя как успешная альтернатива влиянию больших держав. Её дальнейшее развитие – с учётом баланса интересов – способно не только укрепить позиции Сеула, но и внести вклад в устойчивое развитие центральноазиатского региона на принципах сотрудничества и соработности.

Заключение

В статье рассмотрена эволюция отношений между Южной Кореей и Центральной Азией с точки зрения растущей межазиатской взаимосвязи. В случае Кореи интерес был обусловлен экономическими факторами, а именно энергетической уязвимостью страны и дефицитом внутренних природных ресурсов, а также стремлением найти новые рынки сбыта для местной продукции. Официальная помощь развитию стала важной частью истории Кореи, позволяя ей делиться своим опытом развивающейся страны, превращаясь в крупную экономическую державу и возвращая международному сообществу то, что она получила в трудные времена. Предоставление помощи в форме грантов и займов способствовало созданию благоприятной среды (деловой, нормативной, политической) для корейских инвестиций, будь то государственные, частные или смешанные. Торговля и инвестиции также значительно расширились.

На основе анализа связей, соперничества и возможностей в отношениях Кореи и Центральной Азии в данной статье выдвинуты три основных аргумента. Во-первых, история участия Кореи в Центральной Азии отражает более широкий процесс переосмысления роли Южной Кореи в глобальных делах. Наряду с юго-восточноазиатской траекторией, Центральная Азия является одной из двух осей более широкого азиатского взаимодействия. Во-вторых, более активная позиция и амбиции пока не вызвали негативной реакции со стороны других игроков, включая два других крупных восточноазиатских государства, Китай и Японию. Хотя отношения потенциально могут вскоре стать конкурентными (особенно с Китаем), а сотрудничество остается весьма ограниченным, ни местные игроки, ни другие внешние участники не воспринимают взаимодействие Кореи как угрозу. И наконец, что не менее важно, государства Центральной Азии открыто приветствовали присутствие еще одного игрока на региональном экономическом ландшафте. Участие Кореи способствовало диверсификации

внешнеполитических связей Центральной Азии, экспортных маршрутов и источников инвестиций. Правящие элиты Центральной Азии и связанные с местными странами экономические субъекты будут продолжать находить новые способы использования внешних игроков». В результате «возникновение новых внешних игроков в сферах торговли, финансов и помощи развитию еще больше расширило возможности этих государств противостоять внешне навязываемым условиям и призывам Запада к экономическим и политическим реформам». В данной работе показано, как прагматичный подход Сеула к внешней политике в отношении нового региона работает на практике. В заключение, возвращаясь к вопросу о растущей взаимосвязи Азии, следует отметить, что многое, как всегда, зависит от того, как будет развиваться ситуация в Северной Корее, поскольку связи как с железнодорожными путями, так и с трубопроводами зависят от сотрудничества, участия и надежности Пхеньяна как партнера. В противном случае, сухопутные Шелковые пути различных типов (то есть, за исключением морских путей сообщения, недорогие, но требующие много времени) будут заканчиваться на китайско-северокорейской границе.

ЛИТЕРАТУРА

[1] Богатырев К.А. Туркменистан в XXI веке: политическая система и внешняя политика. – Москва: Аспект Пресс, 2016.

[2] Овчарова Т.Н., Литвинчук В.И. Политология: курс лекций. – Нижний Новгород: Издательский дом СГУ, 2010. – URL: <https://all-politologija.ru/knigi/politologiya-kurs-lekcij-ovcharova-litvinchuk/realizm-i-neorealizm> (дата обращения: 09.02.2026).

[3] Стивен М.Д. Концепция и роль средних держав в условиях глобального перераспределения сил // *Seton Hall Journal of Diplomacy and International Relations*. – 2013. – Vol. 14, № 2. – С. 37–53.

[4] Фумагалли М. Вовлечённость Республики Корея в Центральной Азии: от окончания холодной войны до «Новой азиатской инициативы» // *The Journal of Northeast Asian History*. – 2012. – Т. 9, № 2. – С. 69–97.

[5] Хван Б. Новый горизонт в отношениях Республики Корея–Центральная Азия: Республика Корея вступает в «Большую игру» // *Korea Compass. Korea Economic Institute*. – Декабрь 2012. – URL: http://www.keia.org/sites/default/files/publications/kei_koreacompass_template_balbinahwang.pdf (дата обращения: 09.02.2026).

[6] Купер У.Х., Юренас Р., Платцер М.Д., Мэнин М.Э. Соглашение о свободной торговле ЕС–Республика Корея и его последствия для США // *South Korea: international relations, trade and policies* / под ред. А.К. Бекера. – New York: Nova Science Publishers, 2011. – С. 27–54.

[7] После трагедий и крупных потерь Hyundai стремится изменить

ситуацию в Северной Корее // Reuters. – 27.12.2018. – URL: <https://www.reuters.com/article/world/after-tragedies-and-big-losses-hyundai-looks-to-reverse-north-korea-fortunes-idUSKCN1OQ0HE/> (дата обращения: 09.02.2026).

[8] Ким Чон Тхэ. Дискурсивная структура девелопментализма в Республике Корея: сравнение дискурсов Geundaehwa, Segyehwa и Seonjinhwa // Economy and Society (경제와 사회). – 2014. – № 103. – С. 166–195. – DOI: 10.18356/4f3d5ee4-en.

[9] Судзуки С. Южнокорейские магнаты присоединяются к Муну в Пхеньяне // Nikkei Asian Review. – 19.09.2018. – URL: <https://asia.nikkei.com/Spotlight/N-Korea-at-crossroads/South-Korean-tycoons-join-Moon-in-Pyongyang> (дата обращения: 09.02.2026).

[10] Хван Вонджэ. Изменяющаяся внешняя политика Республики Корея: влияние демократизации и глобализации. – Lanham: Lexington Books, 2017.

[11] Чжу Чжицунь. Республика Корея в новой азиатской инициативе // Asia Times Online. – 30.06.2009. – URL: <http://www.atimes.com/atimes/Korea/KF30Dg01.html> (дата обращения: 09.02.2026).

[12] Пак Кын Хе. Переосмысление межкорейских отношений // The Diplomat. – 02.01.2014. – URL: <https://thediplomat.com/2014/01/reinventing-the-inter-korean-relationship/> (дата обращения: 09.02.2026).

[13] Двустороннее экономическое сотрудничество развивается быстрыми темпами // The Korea Times. – 23.11.2017. – URL: <https://www.koreatimes.co.kr/foreignaffairs/20171123/bilateral-economic-cooperation-evolving-fast> (дата обращения: 09.02.2026).

[14] Таможенная служба Республики Корея. Статистика внешней торговли (Trade Statistics): по странам. – URL: https://tradedata.go.kr/cts/index_eng.do (дата обращения: 09.02.2026).

[15] Эванс А. «Новый Шёлковый путь» Республики Корея в Центральную Азию: дипломатия и бизнес в контексте энергетической безопасности // SAIS U.S.-Korea Yearbook 2012. – Washington, DC: U.S.-Korea Institute at SAIS, 2012. – URL: https://usakoreainstitute.org/wp-content/uploads/2014/04/Evans_YB2012.pdf (дата обращения: 09.02.2026).

[16] Кан Мёнгу. Внешнеэкономические отношения Республики Корея и государственная политика // The Oxford Handbook of the International Relations of Asia / под ред. С.М. Пекканена, Дж. Рейвенхилла, Р. Фута. – Oxford: Oxford University Press, 2014. – С. 199–216.

[17] Ли Мён Бак. New Asia Initiative. – 2009. – URL: <http://www.mofat.go.kr/mofat/pcrm/eng5.doc> (дата обращения: 09.02.2026).

[18] Чжу Чжицунь. Малая держава — большие амбиции: роль Республики Корея в безопасности Северо-Восточной Азии при президенте

Но Му Хёне // *Asian Affairs: An American Review*. – 2007. – Т. 34, № 2. – С. 67–86. – DOI: 10.3200/AAFS.34.2.67-86.

[19] Хо Ук, Рёриг Теренс. Возвышение Республики Корея: экономическое развитие, мощь и внешние отношения. – Cambridge: Cambridge University Press, 2014.

[20] Пак Кын Хе. Выступление на Международной конференции “Global Cooperation in the Era of Eurasia”. – 18.10.2013. – URL: <http://www.korea.net/Government/Briefing-Room/Presidential-Speeches/view?articleId=114334> (дата обращения: 09.02.2026).

[21] Министерство иностранных дел Республики Корея. ODA Korea: ODA Statistics (статистика официальной помощи развитию). – 2025. – URL: <https://www.odakorea.go.kr/statistic/main?type=gis> (дата обращения: 09.02.2026).

REFERENCES

[1] Bogatyryov K.A. Turkmenistan v XXI veke: politicheskaya sistema i vneshnyaya politika [Turkmenistan in the 21st century: political system and foreign policy]. Moscow: Aspekt Press, 2016. [in Russ.].

[2] Ovcharova T.N., Litvinchuk V.I. Politologiya: kurs leksii [Political science: course of lectures]. Nizhniy Novgorod: Izdatel'skii dom SGU, 2010. URL: <https://all-politologija.ru/knigi/politologiya-kurs-lekcij-ovcharova-litvinchuk/realizm-i-neorealizm> (accessed 09.02.2026). [in Russ.].

[3] Stephen M.D. The concept and role of middle powers during global rebalancing. *Seton Hall Journal of Diplomacy and International Relations*. 2013. Vol. 14, No. 2. P. 37–53.

[4] Fumagalli M. South Korea's Engagement in Central Asia from the End of the Cold War to the “New Asia Initiative”. *The Journal of Northeast Asian History*. 2012. Vol. 9, No. 2. P. 69–97.

[5] Hwang B. A new horizon in South Korea–Central Asia relations: The ROK joins the “Great Game”. *Korea Compass*. Korea Economic Institute. December 2012. URL: http://www.keia.org/sites/default/files/publications/kei_koreacompass_template_balbinahwang.pdf (accessed 09.02.2026).

[6] Cooper W.H., Jurenas R., Platzer M.D., Manyin M.E. The EU–South Korea Free Trade Agreement and its implications for the United States. In: Becker A.K. (ed.) *South Korea: international relations, trade and policies*. New York: Nova Science Publishers, 2011. P. 27–54.

[7] Reuters. After tragedies and big losses, Hyundai looks to reverse North Korea fortunes. 27 December 2018. URL: <https://www.reuters.com/article/world/after-tragedies-and-big-losses-hyundai-looks-to-reverse-north-korea-fortunes-idUSKCN1OQ0HE/> (accessed 09.02.2026).

[8] Kim Jongtae. The discursive structure of developmentalism in Korea: A comparison of Geundaehwa, Segyehwa, and Seonjinhwa discourses. *Economy and Society* (경제와 사회). 2014. No. 103. P. 166–195. DOI: 10.18356/4f3d5ee4-en.

[9] Suzuki S. South Korean tycoons join Moon in Pyongyang. *Nikkei Asian Review*. 19 September 2018. URL: <https://asia.nikkei.com/Spotlight/N-Korea-at-crossroads/South-Korean-tycoons-join-Moon-in-Pyongyang> (accessed 09.02.2026).

[10] Hwang W. *South Korea's Changing Foreign Policy: The Impact of Democratization and Globalization*. Lanham, MD: Lexington Books, 2017.

[11] Zhu Zhiqun. South Korea in a New Asia Initiative. *Asia Times Online*. 30 June 2009. URL: <http://www.atimes.com/atimes/Korea/KF30Dg01.html> (accessed 09.02.2026).

[12] Park Geun-hye. Reinventing the inter-Korean relationship. *The Diplomat*. 2 January 2014. URL: <https://thediplomat.com/2014/01/reinventing-the-inter-korean-relationship/> (accessed 09.02.2026).

[13] The Korea Times. Bilateral economic cooperation evolving fast. 23 November 2017. URL: <https://www.koreatimes.co.kr/foreignaffairs/20171123/bilateral-economic-cooperation-evolving-fast> (accessed 09.02.2026).

[14] Korea Customs Service. Trade Statistics (by Country). URL: https://tradedata.go.kr/cts/index_eng.do (accessed 09.02.2026).

[15] Evans A. South Korea's "New Silk Road" to Central Asia: diplomacy and business in the context of energy security. In: *SAIS U.S.-Korea Yearbook 2012*. Washington, DC: U.S.-Korea Institute at SAIS, 2012. URL: https://usakoreainstitute.org/wp-content/uploads/2014/04/Evans_YB2012.pdf (accessed 09.02.2026).

[16] Kang Myung-Koo. South Korea's Foreign Economic Relations and Government Policies. In: Pekkanen S.M., Ravenhill J., Foot R. (eds.) *The Oxford Handbook of the International Relations of Asia*. Oxford: Oxford University Press, 2014. P. 199–216.

[17] Lee Myung-bak. New Asia Initiative. 2009. URL: <http://www.mofat.go.kr/mofat/pcrm/eng5.doc> (accessed 09.02.2026).

[18] Zhu Zhiqun. Small power, big ambition: South Korea's role in Northeast Asian security under President Roh Moo-hyun. *Asian Affairs: An American Review*. 2007. Vol. 34, No. 2. P. 67–86. DOI: 10.3200/AAFS.34.2.67-86.

[19] Heo Uk, Roehrig Terence. *South Korea's Rise: Economic Development, Power and Foreign Relations*. Cambridge: Cambridge University Press, 2014.

[20] Park Geun-hye. Remarks by President Park Geun-hye at the 2013 International Conference on Global Cooperation in the Era of Eurasia. 18 October 2013. URL: <http://www.korea.net/Government/Briefing-Room/Presidential-Speeches/view?articleId=114334> (accessed 09.02.2026).

[21] Ministry of Foreign Affairs, Republic of Korea. ODA Korea: ODA Statistics. 2025. URL: <https://www.odakorea.go.kr/statistic/main?type=gis> (accessed 09.02.2026).

ОРТАЛЫҚ АЗИЯДАҒЫ КОРЕЯ РЕСПУБЛИКАСЫНЫҢ ЭКОНОМИКАЛЫҚ ДИПЛОМАТИЯСЫ «ЖҰМСАҚ КҮШ» СТРАТЕГИЯСЫ КОНТЕКСТІНДЕ

***Сакенова А.М.¹, Борантаева Ф.Ж.²**

***^{1,2} Абылай хан атындағы қазақ халықаралық қатынастар және
әлем тілдері университеті, Алматы, Қазақстан**

Аннотация. Бұл мақалада Оңтүстік Кореяның Орталық Азия елдерімен экономикалық қарым-қатынасы экономикалық стратегия және жұмсақ күш құралдары тұрғысынан талданады: ресми даму көмегі (ODA), тікелей инвестициялар және технологиялық ынтымақтастық. Бұл зерттеудің өзектілігі Еуразиядағы геоэкономикалық бәсекелестіктің күшеюінен және Орталық Азияның ресурстық және логистикалық хаб ретіндегі рөлінің артуынан туындайды, мұнда сыртқы актерлер өз позицияларын негізінен экономикалық құралдар арқылы нығайтады. Бұл зерттеудің мақсаты - көмектің, инвестициялық жобалардың және технологиялар трансфертінің үйлесімі ықпал етудің тұрақты арналарын қалай құратынын және Оңтүстік Кореяның аймақтағы сауда және инвестициялық байланыстарының кеңеюін қалай қолдайтынын анықтау. Бұл зерттеудің ғылыми және практикалық маңыздылығы аймақтық деректерді пайдалана отырып, тиімділікті бағалаудың қолданбалы негізін әзірлеуде және бизнес үшін транзакциялық кедергілерді азайту тетігі ретінде ресми даму көмегінің рөлін нақтылауда жатыр. Әдістеме стратегиялық көзқарастар мен өзара әрекеттесу дискурстарының мазмұндық талдауын, сондай-ақ сауда/инвестициялық статистика мен ODA деректеріне негізделген өзара әрекеттесудің негізгі салаларының (энергетика, инфрақұрылым, өнеркәсіп және ғылым мен технология жобалары) салыстырмалы жағдайлық зерттеуін қамтиды. Нәтижелер ODA және технологиялық жобалар капитал үшін қолайлы институционалдық орта жасайтынын, ал сауда мен инвестициялар басым елдер мен секторларда шоғырланғанын, қатысудың прагматикалық геоэкономикалық моделін нығайтатынын көрсетеді. Тәжірибелік құндылық жобалардың өзара пайдасын арттыру және экономикалық байланыстардағы асимметрия тәуекелдерін азайту бойынша ұсыныстарда жатыр.

Тірек сөздер: Оңтүстік Корея, Орталық Азия, экономикалық дипломатия, ODA, тікелей инвестициялар, технологиялар трансферті, жұмсақ күш

ECONOMIC DIPLOMACY OF THE REPUBLIC OF KOREA IN CENTRAL ASIA IN THE CONTEXT OF ITS SOFT POWER STRATEGY

*Sakenova A.M.¹, Borantaeva F.Zh.²

*^{1,2} Kazakh Ablai khan University of International Relations and World
Languages, Almaty, Kazakhstan

Abstract. This article analyzes South Korea's economic relations with Central Asian countries through the lens of economic strategy and soft power instruments: official development assistance (ODA), direct investment, and technological cooperation. The relevance of this study stems from intensifying geoeconomic competition in Eurasia and the growing role of Central Asia as a resource and logistics hub, where external actors consolidate their positions primarily through economic means. The aim of this study is to identify how the combination of aid, investment projects, and technology transfer creates sustainable channels of influence and supports the expansion of South Korea's trade and investment ties in the region. The scientific and practical significance of this study lies in the development of an applied framework for assessing effectiveness using regional data and in clarifying the role of official development assistance as a mechanism for reducing transaction barriers for businesses. The methodology includes a content analysis of strategic attitudes and engagement discourse, as well as a comparative case study of key areas of interaction (energy, infrastructure, industry, and science and technology projects) based on trade/investment statistics and ODA data. The results demonstrate that ODA and technology projects create a favorable institutional environment for capital, while trade and investment are concentrated in priority countries and sectors, cementing a pragmatic geo-economic model of presence. The practical value lies in recommendations for increasing the mutual benefits of projects and mitigating the risks of asymmetry in economic ties.

Keywords: South Korea, Central Asia, economic diplomacy, ODA, direct investment, technology transfer, soft power

Статья поступила / Мақала түсті / Received: 16.01.2026.

Принята к публикации / Жариялауға қабылданды / Accepted: 27.03.2026.

Сведения об авторах:

Сакенова А.М. - PhD докторант, Казахский университет международных отношений и мировых языков имени Абылай хана, Алматы, Казахстан, e-mail: a.m.sakenova@gmail.com

Борантаева Ф.Ж. – магистр., старший преподаватель, Казахский университет международных отношений и мировых языков имени Абылай хана, Алматы, Казахстан, e-mail: farizab1991@gmail.com

Авторлар туралы мәлімет:

Сакенова А.М. - PhD докторанты, Абылай хан атындағы Қазақ Халықаралық Қатынастар және Әлем Тілдері Университеті, Алматы, Қазақстан, e-mail: a.m.sakenova@gmail.com

Борантаева Ф.Ж. - магистрант, аға оқытушы, Абылай хан атындағы Қазақ Халықаралық Қатынастар және Әлем Тілдері Университеті, Алматы, Қазақстан, e-mail: farizab1991@gmail.com

Information about authors:

Sakenova A.M. - PhD doctoral student, Kazakh Ablai khan University of International Relations and World Languages, Almaty, Kazakhstan, e-mail: a.m.sakenova@gmail.com

Borantaeva F.Zh. - master's student, Kazakh Ablai khan University of International Relations and World Languages, Almaty, Kazakhstan, e-mail: farizab1991@gmail.com